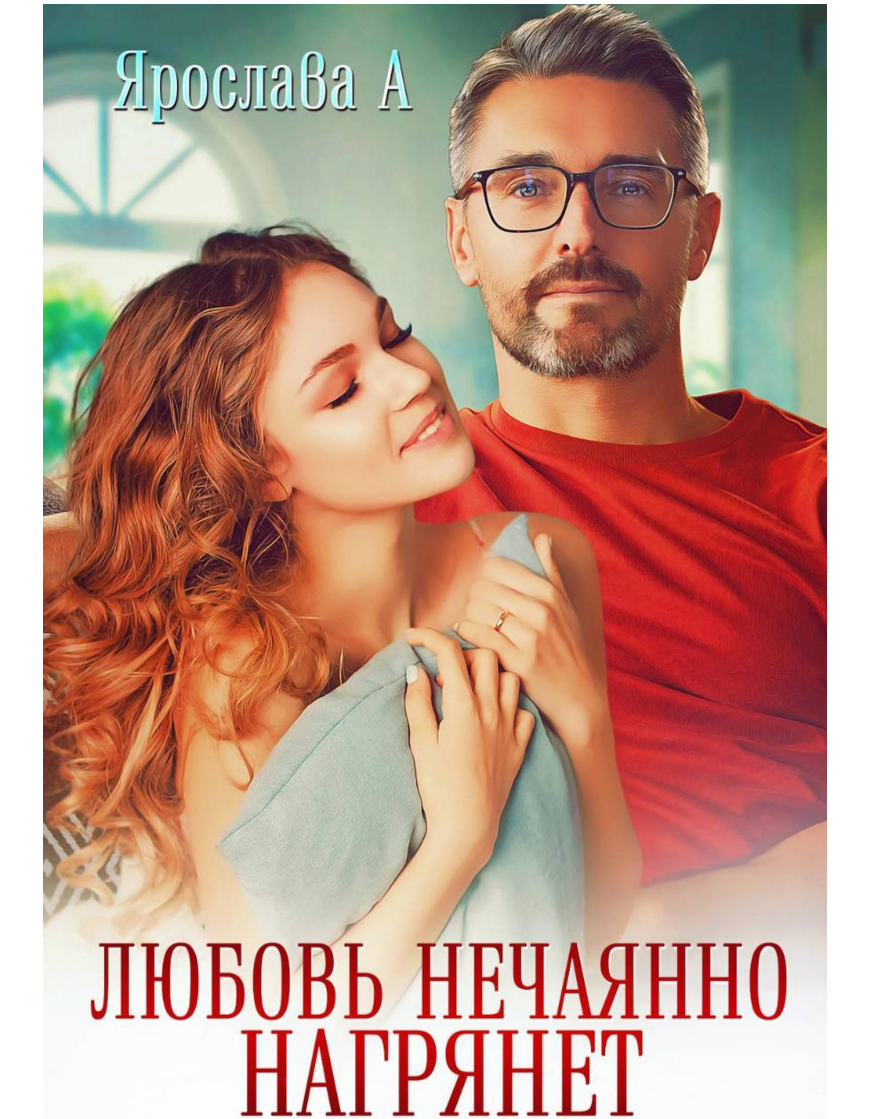

A romantic couple embracing. The man, with grey hair, a beard, and glasses, wears a red t-shirt. The woman has long, wavy reddish-brown hair and is wearing a light blue top. They are in a warm, indoor setting with a window in the background.

Ярослава А

ЛЮБОВЬ НЕЧАЯННО
НАГРЯНЕТ

Ярослава А

Любовь нечаянно нагрянет

<https://litres.ru/74415744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы быть крутым боссом ты должен иметь свои принципы:

А) Жесткой рукой рулить танком под названием «Твой бизнес»;

Б) Жениться только по расчету на самой красивой женщине в городе;

В) Никогда! Слышишь? Никогда не заводить служебных романов!

Иначе первые два пункта разом потеряют смысл, когда в твою размеренную жизнь ворвется одна рыжая зараза со шваброй.

Занимаем место в первых рядах, товарищи!

Любовь нечаянно нагрянет!

У нее свои принципы

Содержание

ГЛАВА 1 Ритка	4
ГЛАВА 2 Лекс	18
ГЛАВА 4 Лекс	49
ГЛАВА 5 Ритка	63
ГЛАВА 6 Лекс	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ярослава А

Любовь нечаянно нагрянет

ГЛАВА 1 Ритка

Сегодня была моя ночная смена на мойке.

Нравится ли мне работать по ночам?

Нет, конечно, но есть такое железобетонное слово «надо».

И против него особо не попрешь.

Работа, прямо скажем, не пыльная – мой себе крутые тачки и мечтай о несбыточных кисельных берегах. Хозяин мойки мужик адекватный, платит вовремя, премию правда зажимает, но зато к девчатам сам не пристаёт и клиентам не даёт. Заступается.

Гарик вообще человек глубоко верующий и кроме любимой жены Кариночки для него других женщин нет. Ну, или почти нет...

На мойке я тружусь вот уже полгода. Ночные смены стараюсь не брать, но с деньгами в последнее время все туже и туже, а за них двойная оплата, плюс частенько богатенькие клиенты, которым приспичило именно ночью мыть свои «Мерсики», оставляют хорошие чаевые.

Иду вдоль здания мойки, хрустя переливающимся в свете фонарей пушистым снегом, потираю озябшие без варежек

ладони и слышу какой-то писк из ближайшего сугроба.

Показалось?

Топаю дальше, чуть приподняв толстую шапку.

И снова тоненький писк!

Подозрительно осматриваясь, крадусь на этот надрывный звук и замираю, глядя на открывшуюся картину: лежит картонная коробка из-под обуви, а в коробке три котенка.

Слепые, дрожащие от холода, жмущиеся друг к другу в отчаянной попытке сберечь хоть капельку тепла. Два серых комочка лежат тихо, словно уже смирились со своей печальной участью, а один белый, вытянув тонюсенькую шейку, пищит из последних силенок.

Могла ли я просто пройти мимо?

Могла. Ведь у нас с дедом у самих дома кроме молока и хлеба есть особо нечего, но...молоко ведь есть! А значит им всегда можно поделиться!

Присаживаюсь на корточки и запускаю руку в коробку.

Белый беспризорник, мигом почуяв неладное, как защищит, защищая уже сдавшихся братишек. Глаза еще слепые, а туда же!

Нет, мне этот ободрыш определенно нравится!

Беру его в ладонь и, внимательно осматривая на предмет лишая, говорю:

- Привет. Я - Ритка! А ты кто?

- Ш-ш-ш...

Криво усмехаюсь, запихиваю мальчика за пазуху. Туда же

отправляются и два других комочка, которые едва подают признаки жизни.

Поднимаюсь, осторожно придерживая под просторной курткой свою необычную находку, и понимаю, что котята могут и не дожить до окончания моей смены.

Кто знает, сколько они голодают.

Новорожденные. Им, как и младенцам, наверняка нужно часто кушать.

Я никогда не была жадной. Да деньги нужны, но они нужны все время и их всегда не хватает, а жизнь у котят, вопреки присказке, всего одна и только я могу помочь ей не обрваться.

Поэтому почти бегом залетаю подсобку, а оттуда прямо в зал к стойке администратора, где на кресле вальяжно развалился сам Гарик, а напротив него какой-то незнакомый мужик.

- Гарик Артурович, – деликатно зову хозяина, – Можно вас на минутку?

- Ритка! – как родной обрадовался мне Гарик, – У нас спецзаказ. Керхер в руки и в первый бокс. Комплекс с воском и полиролью премиум класса.

И пока я пытаюсь найтись с ответом, поворачивается к своему собеседнику.

- Риточка наш лучший сотрудник. Все сделает в лучшем виде. Кофе, Александр Петрович?

Видать этот Александр Петрович какая-то шишка. Иначе,

отчего так Гарик перед ним расстилается?

Полироль премиум класса...

Да он ее только для красненькой «малышки» Карины бережет!

- Гарик Артурович?! – дубль два привлечь внимание начальника.

- Ритусик! – расплывается в улыбочке Гарик, а в глазах так и плещется жажда убийства...вашей покорной слуги, – Ты еще здесь?!

- Всего на секундочку, – пытаюсь сложить лапки в умоляющем жесте, но котята неумолимо ползут вниз, и я в последний момент молниеносно подхватываю их на животе.

- Чего тебе, Синичкина? – между тем пыхтит босс, умыкая обратно в подсобку.

- Гаричек Артурович, а пусть меня сегодня Марина подменит. Мне очень-очень домой надо, – котята завозились, и я сильнее прижала руку к пуховику.

- Что с тобой? – подозрительно прищуривается начальник.

- Живот прихватило, - быстро нахожусь я, - Мне домой надо.

- Рит, послушай, это очень важный клиент. Помоешь и иди.

И с этими словами он развернулся и пошел обратно.

- Но! – остановила его я, – Мне очень надо!

Гарик закатил глаза и посоветовал:

- Не нуди, Синичкина. У меня таких, как ты вагон и маленькая тележка. Завтра же замена найдется.

Вот же скупердяй! Иногда мне кажется, что Гарик не армянин, а чистокровный еврей.

И не поспоришь с ним. На мое место и правда быстро найдутся желающие, а мне терять работу на мойке никак нельзя. Иначе плакал мой институт, а вместе с ним и надежда на нормальное будущее.

Вздыхнула и пошла переодеваться. Не время предаваться унынию. Чем быстрее начну, тем быстрее закончу. Авось с кошками ничего не случится.

Стянула пуховик. Малыши тут же недовольно завозились и запищали.

Простите, друзья-подружки, но придется еще немного потерпеть.

Бросила куртку на пол и усадила недовольных котят на нее, соорудив некое подобие гнезда.

Осталось только надеяться, что никто не заметит моего маленького секрета, пока я буду намыывать тачку.

С этими мыслями прихватила жутко дорогую полироль и потопала в бокс.

Там меня ждал неприятный сюрприз.

У этого Александра Петровича не тачка, а настоящий монстр. Я же скончаюсь, пока ее всю натру. Обычно такие большие машины мы мыли вдвоем. Но Маринка шуршала в соседнем боксе. Следовательно, вся это «прелесть» доста-

нется только мне.

Посильнее натянула шапку на уши, убрав выбившийся локон волос, и приступила к работе.

- Э-э-х, ухнем! Э-э-х, ухнем!

Меня пробрало на народные напевы. Своеобразный способ самоиронии.

Вообще, я не лентяйка и всегда привыкла доводить дело до конца. Но вот конкретно эта машина домывалась как-то тяжело. Где-то уже на середине я выбилась из сил. А в конце стала всеми фибрами души ненавидеть тонкий аромат полироли.

Пока убирала салон, нашла под сиденьем какой-то пакет, пропылесосила под ним и без задней мысли положила назад под сиденье.

Старательно натерла зеркало заднего вида и выдохнула.

Все готово! Котятки я бегу!

Гарик со спутником зашли в бокс как раз в тот момент, когда я чинно расстелила перед водительской дверью монструозной тачки коврик.

Ни хухры-мухры – почти красная дорожка.

Александр Петрович с каменной физиономией обошел машину со всех сторон, придирчиво осматривая каждую деталь, заставляя меня непроизвольно напрягаться и невольно сверлить взглядом широкую спину в дорогом пальто.

Вообще, стоит отметить, что хозяин оказался под стать тачке – здоровый, высокий и начищенный, как наш с дедом

раритетный самовар.

Обычно я не обращала внимания на таких вот отлично упакованных мужиков. Клиент он и в Африке клиент. А тут что-то засмотрелась. Либо потому что рожа у мужика была слишком хмурая, либо потому что он внезапно глянул на заднее сиденье надраенной машины и сухо произнес:

- Тут лежала коробка. Где она?

Чего? Не было никакой коробки.

- Рита? – Гарик удивленно посмотрел на меня – типа «Че за фигня Ритусик?»

Исподлобья глянула на мужика – весь такой самодовольный индюк, уверенный в собственной правоте. Терпеть не могу таких личностей. Думает, если на мне старый поношенный комбинезон, то я сто пудово воровка. Вот если бы наряд от кутюр и духи от Шанель, то это другое дело...

- Я не видела никакой коробки, – твердо, с чувством собственного достоинства ответила я, без единого намека на страх.

Темная мужская бровь чуть изогнулась.

Что мажорик не ожидал? Я маленькая, но кусачая-я-я.

- Не видела, – грозно сдвинул брови индюк, – Но коробка куда-то пропала!

Я хотела было возмутиться, но мужик повернулся к застывшему, то ли от шока, то ли страха Гарику.

- Не думал, Гарик Артурович, что у вас так плохо с дисциплиной. Берете на работу кого попало. С какой помойки

вы вообще откопали вашу эту лучшую сотрудицу?

Помойки? Я не ослышалась? Мужик ты либо смертник?

- Некогда мне тут слушать ваши оскорбления, – уперев руки в боки, яростно выпалила я, – Я ничего не брала и не видела, а если вы не верите мне, то запись с камер наблюдения вам в помощь!

И со злостью бросила грязную тряпку, которой старательно вытирала литые диски на напыженный капот. Еще бы и потерла с наслаждением, слушая, как песок царапает полироль, но, жаль, некогда. Котята ждут.

- Ритка! – в спину мне крикнул Гарик, – Вернись немедленно! Нужно разобраться.

- Вам надо – вы и разбирайтесь. Как разберетесь – сообщите, – буркнула себе под нос и, молниеносно прихватив кофты и куртку, пулей вылетела на мороз.

Живу я в двух кварталах от мойки.

Центр города. Тут еще сохранились старые двухэтажные дома послевоенной постройки с покосившимися стенами, прогнившими полами и прорехами на крыше. Когда сильные дожди, соседей-алкашей сверху конкретно заливает. В такие моменты я думаю, что справедливость на свете все же есть, просто стоит к ней как следует присмотреться.

Почему наш дом до сих пор не снесли?

Это вопрос не по адресу. Мы с дедом давно забили жаловаться в администрацию.

Зато губернатор буквально на днях отчитался президен-

ту, что у нас в регионе снесено девяносто процентов ветхого жилья.

Наш дом, видимо, просто Бермудский треугольник, раз мы до сих пор не попали в эти заветные проценты.

Идти до дома быстрым шагом сравнительно не долго, но все же холодно.

Почти бегом сворачиваю за угол двухэтажки и внутренне напрягаюсь, заметив у подъезда нашу местную гопкомпанию.

- Опа! Ритка! – мгновенно реагирует сосед – высокий тощий парень моего возраста.

В руке у него бутылка дешевого пива и сигарета, а на лавочке стоит ополовиненная бутылка водки.

Странно... Обычно к ночи вся компашка пускает пьяные пузыри по подъезду.

- Здрасьте, – буркаю я и, пряча нос поглубже в вязаный шарф, пытаюсь по-быстрому проскочить мимо соседа, но тот перегородивает проход.

- Ты откуда такая красивая? Может, посидишь с нами? Выпьешь?

- Я спешу, Толик, – пытаюсь обойти его, но он снова встает на пути, вызывая у дружков одобрителный гул.

- Нехорошо, Риточка, – ухмыляется этот урод, показывая отвратительные черные зубы, – С соседями дружить надо.

Иногда, глядя на Толика, мне становится его безумно жаль. Мы же росли вместе. В одном дворе. В прятки играли

вон за тем развалившимся забором. Потом в школу вместе ходили...

Когда все исковеркалось, истопталось в этой алкогольной грязи?

- Дай пройти Толик! Я с работы устала! – сурово произнесла я, зная, что он в душе побаивается моего грозного тона.

Но сегодня Толик был с друзьями и не мог упасть в их глазах.

- Да ладно тебе, Ритусь, – уже с заметным раздражением настаивает он и хватает меня за рукав куртки, - Пропустим по пятьдесят, и домой пойдешь к старику своему.

- Я сказала – дай пройти, Толик. Что не понятного?

- Не красиво... соседка твоя... нас кидает, Толян, – прогнусавил кто-то сзади, – Надо разъяснить что-почем.

Толику эта мысль понравилась, и он на полном серьезе решил сграбастать меня за шкуру.

На заднем фоне противно заржала поддатая девица, и я не выдержала: со всей дури дала тяжелым форменным ботинком этому придурку по коленной чашечке.

Толик взвыл и выпустил меня из захвата, и я помчалась в подъезд, краем уха слыша вдогонку:

- Вот тварь! Бешеная!

Молниеносно сунула ключ в замок добротной железной двери, пара секунд и я дома. Запираю дверь на засов и устало приваливаюсь к ней спиной, выдыхая:

- Де! Я дома!

Дедушка никогда не спит, если я на работе. Сидит у телевизора и бдит.

- Опять эти ироды к тебе цеплялись, – вместо приветствия прокаркал дед, шаркая по коридору тапками.

- Нет, – с трудом выдавливая улыбку, вру я, – Поболтали немного.

Если сказать правду – дед достанет свое охотничье ружье и это может кончиться печально не только для Толика, но и для нас с дедом, потому, как разрешения у моего дедушки на ружье отродясь не было.

Николай Иванович подозрительно смотрит на меня из-под лохматых седых бровей, наверняка догадываясь, что я его обманываю и чтобы разрядить обстановку, я достаю из-за пазухи своих найденышей и с улыбкой показываю.

- Глянь, что я у мойки нашла. В коробке выбросили на мороз. Представляешь?

Дед смотрит на меня, потом на котят и с тяжелым вздохом качает головой, совсем не разделяя моей радости.

- И на кой ты их принесла. Все равно помрут.

- Не помрут, – заверила я, быстро избавляясь от верхней одежды, – Пошли молоко греть.

Дед скептически посмотрел на меня, но все же поплелся на кухню ставить кастрюлю с молоком на плиту.

- Сейчас мои маленькие, – ворковала я, проверяя, все ли нормально перенесли путешествие у меня за пазухой.

Живые красавчики! Серенькие, лишившись моего тепла, запищали, а белый задира, учуяв новую незнакомую поверхность, воинственно зашипел.

- Ух, какие мы грозные, – пожурила я, – Ну, как давай попробуем молочко.

Достала из аптечки пипетку и принялась за кропотливую работу – кормление котят.

Бедняжки как почуяли молоко так сразу за пипеткой чуть не в драку и без разницы, что молоко коровье магазинное. Жрать-то охота!

Минут через сорок, все испачканные в молоке, но вполне себе довольные жизнью кошки, свернулись в единый клубок на дне картонной коробки, куда мы с дедом пристроили старую шапку-ушанку, которую только по чистой случайности не догрызла совдеповская моль.

В квартире у нас зимой было довольно прохладно. Батареи старые, сквозь щели в деревянных окнах надувает, хотя мы с дедом их старательно заклеиваем и замазываем.

Поставила коробку ближе к батарее и уселась на табуретку, устало потирая глаза.

Дед хлопчет у плиты с поздним ужином, я грею руки о кружку чая, а за окном валит белый пушистый снег большими ватными хлопьями.

Я на мгновение переносусь на десять лет назад, когда была жива бабушка, и мы так же сидели на этой самой кухне, за этим самым столом. Она варила нехитрый постный суп, а

мы с дедом играли в карты. Тогда часто отключали свет, и единственным источником света становилась газовая плита, да пару красных витых свечек. А после, когда старики ложились спать, я часто сидела у окна, все так же наблюдая за тем, как падает снег и прислушиваясь к глухому завыванию ветра.

- Рит, тебе картошки пожарить?

- Нет, – растерянно моргаю я, сбрасывая наваждение, – Спать пойду. Устала...

Дед провожает меня встревоженным взглядом.

Я же так и не рассказала ему о том, что произошло на сегодняшней смене. Вполне возможно уже завтра Гарик выгонит меня взащей за дерзость. Это не первый случай, когда богатенькие клиенты обвиняют мойщиков в краже. То они колечко потеряли, то кошелек, то дизайнерскую сумочку. И почти всегда выясняется, что вещи либо валяются в багажнике, либо в бардачке, либо тупо были забыты дома.

Обычно я привыкшая к таким разборкам, но сегодня этот мужик меня реально взбесил. Ненавижу таких самоуверенных людей, которые всех под одну гребенку. Если бедно одета, то воровка и оборванка. Что за дикие стереотипы?!

Привычным движением снимаю покрывало с кровати, и забираюсь под одеяло, первое время дрожа от холода, пока не нагреется постель.

Признаю, задел гад за живое. Я в своем почти маниакальном стремлении вырваться из надвигающейся нищеты,

очень остро воспринимаю такое отношение к себе.

Стыдно.

Мне бывает безумно стыдно за то, что мы с дедом живем в такой халупе, за то, что я наскребаю последнее, чтобы оплатить учебу, за заштопанные носки и даже за соседей-алкоголиков.

Лежу, уткнувшись носом в одеяло, и продолжаю смотреть на снег...

Скоро Новый год.

Время чудес.

Разучилась ли я в них верить, когда детские мечты стали разбиваться о жестокую реальность?

Вот уж нет!

Я стала ждать их с удвоенной силой!

Потому, что чудеса есть!

Вам просто попадались плохие волшебники...

ГЛАВА 2 Лекс

- Лекси-и-к?! Ты помнишь, что завтра мы ужинаем у моих родителей? – красивая брюнетка выжидающе смотрит на уткнувшегося в экран ноутбука мужчину и лениво накручивает блестящий локон на пальчик.

- Угу, - бурчит он в ответ, не отрывая взгляда от диаграммы на экране.

- Папа хотел махнуть за город на дачу. Ты как на это смотришь? – ее зеленые глаза не отрываются от темного затылка мужчины и гневно сверкают, когда он, пропустив ее вопрос мимо ушей, продолжает хмуриться и яростно водить пальцем по тачпаду, – Ты вообще меня слышишь?!

Мужчина, вздрогнув от сквозящих визгливых ноток в голосе брюнетки, поворачивается.

- Что, Ась? Ты что-то сказала?

Девушка недовольно поджимает губы и с нажимом отвечает:

- Я говорила про поездку на дачу. Папа хотел пострелять и заодно узнать, как наши дела.

- Хорошо, – согласно кивает он и возвращается к прерванной работе, – Скажешь Кате, что бы она внесла в мое расписание? Боюсь, забуду.

Если Лекс мог разозлить свою девушку еще больше, то ему это, несомненно, удалось, так как брюнетка всеми фиб-

рами души ненавидела его помощницу Катю. Мужчина понимал, что причина кроется в банальной ревности и, право, это временами было даже смешно, потому как Катерина была вот уже семь лет счастлива со своим мужем-программистом. Вместе они воспитывают двух очаровательных дочерей.

Благо Катька деваха с мозгами и на нападки девушки босса реагирует с неизменным хладнокровием. А Ася от этого еще больше бесится.

Иногда Лексу кажется, что его помощнице доставляет особое удовольствие доставать Аську и наблюдать, как ее безупречная фарфоровая кожа покрывается красными пятнами от ярости.

Сказать по правде, он и сам не прочь иногда побесить свою ненаглядную, лишь бы отстала и не мешала работать.

Бабы! Что с них взять?

- Лекси-и-ик...

Мягкая женская рука касается его плеча и начинает его красноречиво наглаживать.

- Ты такой сексуальный в этих очках, – с придыханием шепчет Ася и прижимается грудью к его спине.

Похоже, у кого-то сегодня игривое настроение.

Лекс чувствует, как Ася медленно вытаскивает из пояса брюк рубашку с вполне прозрачными намерениями, и бросает последний взгляд на монитор, чтобы одним глазком глянуть итог экономического отчета, а там бац! и перерасход по

статье затрат.

- Что за хрень?! – мужчина резко выпрямляется на диване, скидывая нежные руки девушки, и быстро просматривает таблицу в надежде, что ошибся.

- Да твою ж мать! – в сердцах рычит он и рукой ищет телефон, чтобы набрать главному инженеру проекта.

Сейчас он устроит этому экспериментатору разнос. В ночь на объект поскачет как миленький возвращать сворованные материалы!

Лекс с остервенением ищет контакт инженера, но Ася перехватывает телефон и, закинув его куда-то на диван, тянется за поцелуем.

- Милый, оставь его и поцелуй меня уже.

- Ась, мне нужно срочно позвонить по работе, – отмахивается он и шарит ладонью по дивану в поисках своего яблочного смартфона.

- Какая работа Громов? – шипит не хуже рассерженной змеи девушка, – Ты на часы смотрел? Все нормальные люди давно в постели. И нам пора...

Но Лекс уже ее не слушает. У него в голове лихорадочно проносятся мысли вероятных шишек, которые полетят на голову, если они опозорятся с этим подрядом. Реконструкция детской спортивной школы на особом контроле и если они задержат сроки сдачи из-за этого нечистого на руку гада, то на госзаказы Громову дорога будет закрыта.

А это не просто плохо, это полнейший трындец!

- Ты меня совсем не любишь! – со слезами кричит Ася,
– Ты уже помешался на своей работе. Совсем меня не замечаешь.

Бля! Ну, начинается...

- Ась, я сейчас позвоню по одному очень важному вопросу, а потом весь твой, – как можно спокойнее говорит он.

Девушка хмурит идеально очерченные брови и кривит губы в плаксивой гримасе, моментально лишая лицо привычного очарования.

- Я каждый день это слышу. Ты обращаешься со мной, как с комнатной собачкой. Тебе работа важнее меня.

Лекс проводит рукой по лицу и вздыхает.

Он может засыпать ее обвинениями в ответ. Может раздуть скандал до невероятных масштабов, чтобы потом помириться в постели на смятых простынях, не чувствуя ничего, кроме физического удовлетворения.

Мог бы...

Если бы не дико устал.

Ася хочет поскандалить и ее остановит только взрыв атомной бомбы.

За три года совместных отношений Громов привык.

Поэтому он просто, ничего не говоря, находит на диване свой телефон и набирает инженеру, отходя к окну.

- Раз я тебе не нужна, то я уезжаю к родителям! – взбешенная реакцией мужчины Ася швыряет в него подушку и, не дождавшись хоть малейшей реакции на свое хулиганство,

пулей вылетает в коридор.

Лекс, слишком поглощенный телефонным разговором, даже не услышит, как хлопнула входная дверь.

Потом он устало потрет глаза и, поняв, что Ася уехала жаловаться папочке, обрадуется.

Целый вечер никто не будет выносить ему мозг.

За это можно, пожалуй, даже выпить, но позже.

А пока у него еще есть парочка дел.

Александр Громов, для друзей просто Лекс жил по принципу:

«От работыдохнуткони, ну а я бессмертный пони»

Скажете, чокнутый трудоголик?!

Но согласитесь, это гораздо лучше, чем чокнутый алкоголик в третьем поколении.

А перспектива была, если бы молодой и безбашенный Сашка Громов много лет назад не уехал из родного села с одним только паспортом в кармане. Из имущества у парня был рюкзак со сменной одеждой да золотое кольцо – единственное, что мать сумела уберечь от алкоголика отца, который тащил из дома все, что можно продать.

Он, практически нищий и голодный приехал в город поступать в строительный институт. На бюджет!

Шутки ли это – попасть в один из самых престижных ВУЗов в городе, куда не каждого берут.

Но уж чего-чего, а упорства Грому уже тогда было не за-

нимать. У голодранца Сашки была цель: выбиться в люди и забрать мать из деревни.

Выбился. Из грязи в князи.

Да только не дожила мама до этого дня. Умерла, когда Сашка был на третьем курсе института. Инсульт.

Ей было всего сорок лет.

Приехал Санька домой, чтобы мать похоронить, а там отец горе заливает на пару с собутыльником. Пропивает последнюю материну зарплату, что та успела заработать.

Больше Саша домой не ездил. Только на могилу к матери, обходя бывший отчий дом десятой дорогой. Не простил и никогда не сможет простить отца, что давно потерял человеческий облик. А всю злость и обиду вложил в упорство. Раз за разом ставя для себя самого недостижимые цели и блестяще исполняя их, в надежде, что мама видит и гордится своим сыном.

Сначала Сашка в студенческие годы работал на стройке обычным рабочим, потом прорабом. Карьера молодого, шустрого и грамотного специалиста быстро шла в гору, и парень выждал момент, когда нужно оказаться в нужное время и в нужном месте.

Всего лишь один единственный подарок судьбы.

Крохотный толчок и он уже в двадцать шесть лет первый заместитель генерального директора крупного строительного холдинга, а в тридцать уже его зять и собственник своей уже не маленькой строительной компании.

Так Сашка из обычного работяги голодранца превратился в крутого бизнесмена Лекса Громова. И только упорный труд, непостижимая целеустремленность помогли стать ему тем, кем он является сейчас – самым молодым, перспективным и креативным руководителем в строительном сегменте.

Громов покривил бы душой, если считал это исключительно своей заслугой. На первых порах ему неплохо помог отец Аси – матерый делец Анатолий Львович. В первую очередь связями в банках, госучреждениях, познакомил с нужными людьми. Подсобили с первыми контрактами.

Анатолий Львович во многом видел в Громе своего преемника и очень хотел, чтобы они породнились.

- Ты присмотришься к моей Аське, – сказал Анатолий Львович на одной из совместных пьянок в офисе Лекса, – Я ее, конечно, избаловал дуру... Виноват... Но девке уже почти тридцатник, а я внуков хочу. Ты со своим непошибаемым характером ее к ногтю прижмешь. Противоположности... знаешь ли притягиваются.

Лекс дураком не был и понимал, Анатолий Львович относится к нему, как к самому грандиозному капитальному вложению в своей жизни. Детей у бизнесмена кроме Аськи больше не было. Кому ж передать во владение свою империю. Не Аське же? Та быстро все по ветру пустит.

- Я подумаю, – ответил он тогда.

И подумал...

Составил мысленный бизнес-план на их совместную с

Асей жизнь и, взвесив все за и против решил.

Скажите: а как же чувства? Любовь?

Лекс Громов не верил в любовь, не верил в притяжение. Он верил в некую форму сумасшествия, которая отравляет человека изнутри. Его мать до последнего любила отца алкоголика, и эта непостижимая преданность свела ее в могилу.

Начав ухаживать за Асей, Громов был уверен, что физического влечения и уважения достаточно для крепкого брака. И ошибся...

Вскоре красавица невеста стала его попросту раздражать.

- Ты просто бездушная машина! – кричала Ася в очередном истерическом припадке.

И во многом была права, потому что Лекс Громов никогда не влюблялся.

Хотя, нет!

Единственной любовью Лекса была его фирма, которой он отдавал все свое время и душу.

А Ася...

Роскошная, невероятно сексуальная дочка Анатолия Львовича вскоре станет его женой по двум причинам: во-первых, уже пора, а, во-вторых, она тоже стала вложением...личным вложением Лекса. Три года большой срок, а время, как говорится, деньги.

Именно поэтому после последней ссоры с хлопаньем дверей, Лекс разобравшись с главным инженером, поехал в самый дорогой ювелирный магазин в городе и купил кольцо,

даже не посмотрев, как оно выглядит. Достаточно, что оно было самое дорогое из представленных и подходило по размеру.

Кинув коробку с кольцом и еще всякой ювелирной мелочью, которой Лекс решил задобрить Асю, на заднее сиденье своей тачки, он критически осмотрел машину.

Негоже на такой грязной машине к Анатолию Львовичу в гости являться. Тот страсть как педантичен в таких вещах.

Лекс посмотрел на часы – перевалило за полночь. Завтра у него в десять утра планерка и если он хочет на нее попасть, то к Асе нужно съездить утром, а значит, машину было бы неплохо помыть сейчас.

Вспомнив, что где-то у него была визитка круглосуточной мойки, Громов, недолго думая, помчал туда, уже предвкушая, как вернется домой и почти не раздеваясь, упадет на кровать, чтобы уснуть крепким сном.

Хозяином мойки, оказался шустрый армянин по имени Гарик.

- Я рад, что вы все же решили доверить свое авто нашему сервису, – заливался соловьем Гарик, – Мы лучшие в своем деле! Позвольте, я провожу вас в мой кабинет, Александр Петрович. Вам там будет удобнее.

Удобнее Лексу было бы избавиться от назойливого внимания армянина. Можно, конечно, его послать, но что-то подсказывало, что это будет себе дороже. В смысле, дороже тратить время и искать другую мойку.

Только они расположились в кабинете армянина, как дверь тихонько скрипнула и в проеме появилась невысокая фигура в объемном темном пуховике, по которой Лекс равнодушно мазнул взглядом и уткнулся в телефон, просматривая биржевые сводки.

- Риточка – наш лучший сотрудник, – представил Гарик Лексу это несуразное нечто, которое мужчина принял за мальчика, – Все сделает в лучшем виде! Кофе, Александр Петрович?

От кофе его уже откровенно подташнивало, но он все же согласился, чтобы Гарик уже просто успокоился и перестал метаться по собственному кабинету как ошпаренный.

В процессе распития непонятной бурды, которую армянин называл кофе, выяснилось, что он не просто так распирается. У Гарика есть суперпроект по открытию кафе, и он ищет совладельца, а по совместительству инвестора.

Пока хозяин мойки вдохновенно и со всеми подробностями расписывал выгоды проекта, Лекс нервно барабанил по подлокотнику кресла пальцами и с нарастающим раздражением думал, когда же кончится, в конце концов, это изощренное издевательство над его мозгом.

- Еще не помыли? – ему все же удалось вставить свое слово в пламенную речь Гарика, – Долго. Ваша лучшая сотрудница работает как сонная черепаха.

- Один момент! – фальшиво улыбнулся армянин и, глянув на монитор с камерами, объявил, – Все готово. Рита уже за-

кончила.

- Ну, что ж, – поднялся Лекс с жутко неудобного кресла, – Пойдемте работу принимать.

Громов любил большие машины. Наверное, потому что сам был довольно здоровым мужиком и в каком-нибудь спорт-каре смотрелся наверняка нелепо.

Не сказать, чтобы он дрожал над своим дорогим внедорожником, но всегда любил порядок и умел ценить дорогие вещи. Привычка родом из нищего детства. Такая же въедливая, неискоренимая и железобетонная, как и сам мужчина.

Придирчиво обойдя намытый внедорожник со всех сторон, Лекс заглянул внутрь и нахмурился, не обнаружив пакета с лейблом известной ювелирной марки.

- Тут лежала коробка. Где она? – мгновенно предъявил он мойщице.

Девушка в каком-то бесформенном, застиранном, явно с чужого плеча комбинезоне и совершенно безобразной черной вязаной шапке посмотрела на него так, словно это он из них вор и с вызовом ответила:

- Я не видела никакой коробки.

Лекс всегда считал себя авторитетным мужиком. Обычно при виде его нахмуренного лица сотрудники начинали трястись от страха. Бывает у людей харизма, на которую народ слетается как пчелы на мед, а у Громова была антихаризма, которая давала явно противоположный эффект.

Но этому мелкому и наглому нечто был явно до звезды

Громовский авторитет. Оно грозно подбоченилось и зло глянуло исподлобья на него, вызывая у мужчины удивление пополам с возмущением, которое вылилось в довольно обидную фразу.

И что вы думаете, эта пигалица сделала?

Яростно сверкая глазищами, бросила грязную тряпку на блестящий натертый полиролью капот Громовской машины и ушла, оставив малость офигевшего от такого поведения Лекса и пышущего настоящей армянской яростью Гарика.

- Ритка! – заорал хозяин мойки, кидаясь за хамкой в подсобку, но той уже и след простыл.

Лекс непременно восхитился такой шустрости, если бы речь не шла о его пропавшей собственности.

- Александр Петрович, возможно, произошло некое недоразумение. Рита иногда бывает несколько эксцентрична, но за ней никогда не водилось ничего...подобного, – вытирая вспотевший лоб платочком, говорит Гарик, – Давайте посмотрим запись с камеры видеонаблюдения. Уверен, что это какое-то недоразумение.

- Давайте! – рычит Лекс не хуже голодного крокодила и лезет на заднее сиденье своего авто, где валяется недавно купленный блок дорогих сигарет.

Он рывком распечатывает пачку, и те рассыпаются по сиденью и полу салона.

- Черт...

Лекс наклоняется, собирает пачки и натывается на валяю-

щийся под сиденьем пакет. Вытаскивает его и тупо смотрит на ту самую коробку из ювелирного магазина внутри, ощущая себя идиотом.

Скорее всего, она туда завалилась, когда он резко затормозил на светофоре, а девчонка мыла, да не заметила.

И да...

Он же про коробку спрашивал, а не про пакет.

Злясь на самого себя, Лекс кидает злосчастный пакет обратно под сиденье и, достав сигарету, прямо тут ее прикуривает.

Это ж надо быть таким оленем. Либо Аська совсем довела его до ручки своими истериками, либо склероз начал развиваться раньше времени.

Тут из-за багажника внедорожника выныривает Гарик.

- Ну что? Пойдемте смотреть?

Этот мужик начинает бесить его своей услужливостью все больше и больше.

- Не надо. Я поехал.

Лекс одной рукой вытаскивает бумажник, отсчитывает несколько тысячных купюр со словами:

- Чаевые для вашей сотрудницы.

- Но...

Настроение Громова скатывается до рекордной отметки «паршивее не бывает», и он, без каких либо слов прыгает в машину и уезжает, оставив растерянного Гарика, пересчитывать купюры и сетовать на причудливость богатеев.

Г

Л

АВА 3 Ритка

Едва приоткрыв глаза и сфокусировав мутный взгляд на китайском будильнике, я поняла, что проспала.

- Вот черт! – в сердцах воскликнула я и пулей подскочила с кровати.

- Сколько я тебе говорил: не ругайся, – раздался каркающий голос деда в коридоре.

Я пролетела мимо него в ванную, бросая на ходу:

- Ты чего меня не разбудил? Я же просила.

- Просила она, – проворчал он, – Рано еще было.

- Какое рано?! – лихорадочно умываясь, кричу из ванной,

– У меня сегодня экзамен по высшей математике.

- Зато хоть поспала нормально. Ты на себя в зеркало давно смотрела? Смерть и то краше выглядит.

Железная логика, не правда ли?

- Иди, поешь нормально! Я тебе суп молочный сварганил по-быстренькому.

То есть он уже подготовился? Ну, дед!

Залетаю на кухню, на ходу натягивая теплую толстовку, заправляю нечесанные лохмы под любимую вязаную шапку с большим бумбоном и, молниеносно отправляя две ложки дедова супа в рот, мычу:

- Пасиб, де. Я полетела, – и пока он не успел сориентироваться, все же реакция у него уже не та, сбегаю из дома.

- Куды помчала? Вот жгёнка! – доносятся дедовы причитания, но я уже бегу по лестнице, резво перескакивая через две ступеньки сразу.

На улице еще было темно и фонари уже успели выключить, но идти одной не страшно, так как во дворе ни души. Ясно дело – наши тунеядцы еще не успели очухаться, а все порядочные маньяки только-только уснули.

Быстрым шагом, от которого сбивается дыхание, бегу через дворы, потом по тротуару и на проезжую часть к остановке, там, где уже стоит нужная мне маршрутка. Тут маршрутка трогается, и я стремительно пересекаю вторую полосу движения и машу рукой в надежде, что водитель заметит меня.

Это становится ошибкой.

Где-то совсем рядом раздается визг колес.

Поворачиваю голову вправо и вижу огромный черный джип, стремительно несущийся прямо на меня. Еще секунда и водитель, пытаясь избежать столкновения, выкручивает руль, джип заносит на заснеженной дороге и, развернув, отбрасывает прямо к обочине.

А там дерево...

Большое такое...

Внедорожник влетает прямехонько мордой в дуб. Раздается страшный скрежет и под занавес на треснутое лобовое стекло падает шапка снега.

- Пипец...

Придя в себя, лихорадочно осматриваюсь.

Маршруточка! Где же ты?

А она, конечно же, уехала.

И пока я растерянно хлопаю глазами, пытаюсь хоть что-то придумать, из внедорожника выходит мужик.

Очень знакомый такой мужик.

У меня вообще память на лица хорошая. И конкретно сейчас она вместе с мозгом советует мне быстрее драпать отсюда пока не поздно.

И я так потихоньку, а потом чуть быстрее иду в обратную сторону.

- А ну стоять! – доносится мне в спину.

Я только прибавляю ускорения своим зимним ботинкам.

- Стоять, кому сказал!

Ага, сейчас размялся. Мне проблемы с этим напыщенным индюком нужны меньше всего на свете.

Поэтому бегу в сторону остановки, но налечь под ногами играет со мной злую шутку. Мгновение и я, поскользнувшись на ней, падаю прямо носом в большой и не совсем чистый сугроб.

А снег-то холодный, мокрый, а у меня перчатки тонкие осенние.

- Б-р-р-р, - переворачиваюсь на спину и кривлюсь от холода.

Хороша же я буду, когда доберусь до института – обледевшая курица.

Если вообще доберусь...

Лежу, смотрю на предрассветное небо, и тут его загораживает широкоплечая мужская фигура.

- Ну, и..., - многозначительно протягивает обладатель этих плеч, присаживаясь на корточки рядом, пока я изображаю из себя смертельно прибитую сугробом дурочку, - Набегалась?

- Угу, – бурчу в ответ и кошусь на мужика.

Как и в прошлый раз, он производит впечатление человека, который совсем не умеет улыбаться. Строгое лицо, квадратный подбородок и глаза спокойные такие. Зорко глядят из-под нахмуренных темных бровей. Прическа у него самая обычная. Я бы даже сказала скучная. Так мог бы стричься мой дед, если бы не облысел наполовину. Теперь он бреется «под Котовского» и свято верит, что экономит половину нашего бюджета на парикмахерской.

Мой взгляд скользит ниже по идеальному черному пальто, к которому даже снежинки не прилипают и сильной руке, с аккуратно подстриженными ногтями.

Мужчина протягивает мне руку с явным намерением помочь подняться, а я не гордая – поспешно хватаюсь за нее.

Рывок, и я уже стою на ногах, но ощущение что на костылях, потому что мир как-то странно качается.

- Что ж ты под ноги не смотришь? – видимо чисто риторически спрашивает он и поднимает шапку, которая слетела с моей головы.

Она вся в грязном снегу, значит, придется сегодня веселить нашу группу видом своих неухоженных патл.

- И по сторонам не смотришь.

А вот это уже наезд дяденька.

- Сами бы по сторонам лучше смотрели, – дерзко вскинула голову я, – Вы меня чуть не задавили.

Светло-серые глаза мужика чуть прищурились, изучая мое лицо, и блеснули узнаванием.

Ох, лучше б ты молчала, Ритка!

Дед всегда говорит, что язык враг мой. Ну, почему я всегда не слушаю старших?

- Я тебя знаю, – медленно доходит до мужчины, – Это ты мне машину вчера мыла.

И сейчас он вспомнит про свою драгоценную коробку, потом про разбитую морду джипа и потащит меня в полицию. А я, ведь, совсем-совсем не виновата!

И тут на мое счастье к остановке, на которой уже столпился народ, подлетает маршрутка. Мгновение на размышление, и я уже бегу к ней, чувствуя, как рюкзак яростно бьет меня по попе.

- Постой! Я хотел..., – доносится в спину.

Чего он там хотел я уже не услышала. Бодрой лисицей вскочила на первую ступеньку, решительно расталкивая локтями толпу людей, чтобы хоть немного протиснуться внутрь.

Если мужик и кинулся следом, то вряд ли успел бы меня поймать.

Двери с противным писком закрылись, а мужик в дорогом пальто так и остался стоять на асфальте, держа в руках мою любимую шапку с бумбоном.

Институт встретил меня тишиной. Все студенты разбрелись по лекциям, семинарам, зачетам, только я, как полная неудачница, застыла возле расписания, что бы посмотреть в какой аудитории у нас высшая, собака ее за ногу, математика.

Пока ехала в маршрутке, болтаясь на поручне, успела немного успокоиться и привести свои мысли в порядок. Сказать, что инцидент меня напугал – ничего не сказать. Мысль что этот Александр Петрович повесит на меня ремонт своей шикарной тачки, вызывала волну ужаса. А сделать это он вполне мог. Пусть и не умышленно, но именно я переходила дорогу в неположенном месте.

Собственно от страха и сбежала.

А что мне еще оставалось делать?

Ждать пока мужчина вызовет гаишников, и составят протокол?

А так, нет протокола, значит, и нет факта причинения ущерба. Если, конечно, в навороченной тачке мужика нет видеорегистратора.

Интересно сколько будет стоить ремонт Мерседеса?

Пока думала, успела дойти до нужной аудитории, около которой столпился сдающий и пересдающий народ. Причем, насколько я понимаю, вторых было едва ли не больше чем

первых.

Математик мужик суровый. За просто так зачет не поставит.

Покосилась на короткие облегающие юбки женской половины группы и закатила глаза.

Курицы.

Нашему математику за семьдесят перевалило из которых последние десять он с палочкой передвигается.

Тут внезапно кто-то хлопнул меня по плечу. Да так, что я чуть не присела.

Повернулась.

Ну, кто же это еще мог быть!

- Шнур! Ты debil?

- Э-э-э-э, – было мне ответом.

- Точно debil, – буркнула я, отворачиваясь.

- Я поздороваться хотел, – обиженно надулся высокий светловолосый парень, а по совместительству мой друг Шнурок.

Вообще-то его зовут Миша. Имя хорошее, но не подходит ему совершенно. Вопреки ему парень уродился тощим и длинным, за что и получил еще в школе прозвище Шнурок. Прошли годы, школа закончилась, и Мишка стал именовать себя важно Шнур.

Но для меня остался все тем же пацаном из параллельного класса, с которым мы вместе удирали от местных хулиганов и готовились к вступительным экзаменам на экономфак.

Правда он вырос и давно уже не похож на того тощего Шнурка. Тощие руки-плети обросли мясом и теперь сквозь тонкий свитер отчетливо были видны рельефные мускулы. С тех пор, как Мишка стал ходить в качалку, курицы в декоративных топах виснут на нем пачками. А этот олух и радуется.

С одной стороны я рада за него. Хоть у кого-то личная жизнь налаживается, а с другой мне иногда жутко не хватает нашего прошлого, в котором было легкое общение, общие интересы и, конечно же, бесконечные битвы в танчики.

Иногда мне кажется, что Шнурок перешагнул за порог детства, а я там так и осталась, потому что грудь так и не выросла, краситься я не научилась, про рост вообще промолчу.

- Хватит дуться, – улыбнулся Мишка, показывая ровный ряд белых зубов, – Ты помнишь какой сегодня день?

- Вспомнишь тут, когда тебя чуть джипом не переехали, – под нос буркнула я.

- Что-что?

- Не помню, говорю!

- Сегодня последний экзамен в этом году! И что это значит?

Я хмуро покосилась на друга, уже догадываясь, что последует за этим дальше.

- Что?

- Что в субботу мы гуляем в клубе «Рай»! – торжественно объявил он, - Ты рада?

Угу. Прямо прыгаю от радости.

Улыбка Шнура тускнеет при виде моего кислого выражения лица.

- Только скажи, что не придешь, и я тебя прокляну, – полушутливо шипит он, – Сколько можно прятаться от людей.

Поднимаю голову, смотрю на него такого улыбчивого, обаятельного и мысленно вздыхаю. Вот, как ему объяснить, что у меня даже платья нормального нет, чтобы на люди показаться, что у меня работа в две смены, после которой нет сил с кровати подняться, не то, что на танцульки тащиться. Сомнительное удовольствие трясти попой рядом с первыми красавицами института и постоянно думать о своей ущербности.

Умом я понимаю, что это комплексы. Но у всех свои недостатки, и я, к сожалению, не исключение.

- Я подумаю, – говорю, лишь бы он отстал.

- Такой ответ меня не устаивает, Маргарита Васильевна, – нарочно дразнит меня Шнур.

- Да приду я! Ты ж из горла выдавишь.

Шнурок снова хлопает меня по плечу, но уже легче и тянет меня в аудиторию, чтобы войти вместе со следующей тройкой сдающих.

- Здравсьте, Лев Семенович, – бодро здороваюсь с пожилым преподавом, который, даже не соизволив повернуть голову в нашу сторону, кивает на билеты.

- Ну, – с видом приговоренного смертника, шумно выды-

хает Шнур, – Ни пуха...

- К черту, – шепчу в ответ, тяну самый ближний ко мне билет и быстро занимаю вторую парту в среднем ряду.

Билет мне попался хороший (хоть в чем-то сегодня везет) и, достав чистый листок, предварительно выдраный из тетради, начинаю решать свою задачу.

Быстро расправившись с билетом, посылаю телепатическую благодарность деду и с любопытством гляжу через Мишкино плечо, что уселся на передней парте. Он сидит и с умным видом строчит формулы, которые и близко не подходят для решения его задачи.

Умник, блин!

Вот что бывает, если слишком много времени зависать в качалке. Мозг атрофируется прямо пропорционально росту мускулатуры.

- Ты что пишешь, дурак? – шиплю я сквозь зубы и тычу ему в спину ручкой.

И, к сожалению, это слышит не только Шнур.

Препод, до сего момента увлеченно высчитывающий какие-то алгоритмы на доске, замирает с кусочком мела в руке и, отойдя чуть в сторону, смотрит сначала в методичку, потом снова на доску и отжигает:

- Да, нет. Все вроде правильно.

В аудитории разлаются нестройные смешки сдающих, а я вытягиваю голову в плечи, чтобы максимально слиться с пространством.

Не Лев Семенович, а терминатор с бадиком. И как он все слышит-то?

- У вас иное мнение, Синичкина? Поведаете нам про применение криволинейных интегралов первого рода?

Ха! Да не вопрос!

Иду к доске со своим листочком и выразительно подмигиваю Шнурку. Остается, надеется, что он додумается до решения раньше, чем у меня кончится красноречие, ибо на все темы я могу вести беседы почти до бесконечности кроме интегралов.

Минут через сорок выхожу из аудитории с вожаделенной пятеркой, уставшая, голодная...

- Мишенька, ты сдал?! – на шее у Шнурка тут же виснет очередная пассия.

...а теперь еще и злая. Просто пипец какая я злая.

Пока длинноногое нечто зацеловывает совершенно несопротивляющегося победителя высшей математики, машу ему рукой и, закинув рюкзак на плечо, иду к лестнице на выход.

На первом этаже нашего ВУЗа есть небольшое студенческое кафе. Я понукаемая жадными позывами, оставшегося без завтрака желудка иду на свидание с местными пирожками, уже мысленно сглатывая набежавшую слюну.

Купив целых четыре очень вредных, жареных пирожка, продираюсь сквозь толпу студентов в поисках скромного уголка для перекуса, как дорогу мне преграждает чья-то

грудь в модной кожаной куртке.

Поднимаю глаза – ну кто бы сомневался!

- Синичкина, а ты не лопнешь? – ухмыляется обладатель куртки и хищно скалится, – Поделишься?

Гляжу на свои драгоценные пирожки, потом на самоуверенного хлыща, снова на пирожки и скорбно вздыхая, протягиваю ему один:

- Что не сделаешь, для голодающего. Кончились папкины деньжата, что ты у честных оборванок пирожки стреляешь? Ты смотри, Алехин, сигарет у меня нет.

Глаза парня раздраженно сужаются. Он чуть наклоняется ко мне, обдавая запахом тяжелой, тошнотворной мужской туалетной воды.

- А ты смотрю, очень смелая стала, Риточка. Дерзость ты ходячая. Я ж к тебе по-хорошему.

Ага. По-хорошему в каждом темном углу зажать пытается, придурок озабоченный.

- Так и я со всей душой, Алехин, – ехидно улыбаюсь в ответ, – Глянь-ка, пирожком с тобой поделилась. Шел бы ты к своим друзьям, а мне некогда.

И прежде чем парень успевает хоть что-то сказать в ответ, юрко проскальзываю мимо и почти бегу из здания института к остановке.

Поучилась и хватит на сегодня.

Неприятный тип этот Алехин. Все настроение испортил.

Парень учится с нами в одной группе. До сих пор удивля-

юсь, почему имея деньги обширные связи его отец – местный депутат не отправил его в более престижный ВУЗ, а запихнул в наш не сильно котирующийся клоповник. Видать не все решают деньги, поскольку мозгов у Алехина хватает только на дешевые понты.

Меня он стал доставать в конце прошлого года. Сначала просто словесно издевался со своими друзьями. Потом пакостил по мелочи, а теперь решил, что я неплохой объект для заигрываний. Грубых, неприятных, оскорбительных.

Да только я тоже не лыком шита.

После очередного зажимания в темном коридоре Алехин сначала получил по своему драгоценному органу, а потом я пошла и пожаловалась нашему декану и пригрозила, что заявление напишу. Не понимаю тех дур, которые терпят постоянные унижения до последнего. Деканша у нас баба боевая и, конечно же, нашептала на ухо ректору, а тот, скорее всего, позвонил Алехину-старшему. Уж не знаю, проводил ли он беседу с отпрыском, но полгода все было тише воды, ниже травы.

И тут на тебе! Отлегло у паршивца.

Надо себе перцовый баллончик прикупить. Так...на всякий случай...

Несмотря на успешное завершение сессии, настроение отчего-то не улучшилось. В голову лезли какие-то нехорошие мысли, и когда на телефон пришло смс от Шнурка: «завтра в восемь вечера у клуба» мне впервые в жизни захотелось его

послать. И не понарошку, как обычно, а по-настоящему.

Вдобавок ко всему в маршрутке пришлось снова ехать стоя и, как следствие, мне отдавили все ноги, пока добрались до моей остановки. В итоге выползла я из этой консервной банки под названием общественный транспорт очень и очень взвинченная.

Забегала в продуктовый магазин и перед тем как идти домой, зашла к соседке, которая жила на первом этаже.

- Баб Рай! – крикнула я с порога, после того, как открыла дверь своим ключом, – Это я!

Соседка две недели назад поскользнулась во дворе и сломала себе ногу. Ухаживать за старушкой некому, хоть и живет она с сыном. Отпрыск пьет по-черному, а в последнее время и вовсе куда-то пропал. Меня его судьба мало волнует. Пропьется и приползет, как бабке пенсию почтальон принесет.

Баб Раю жалко. Хорошая она женщина. Нам с дедом после бабушкиной смерти помогала. И на поминки готовила, и с ритуалкой договаривалась. Я ж тогда еще совсем девчонка была, а дед от горя лег и несколько дней ни с кем не разговаривал.

- Риточка?! – донесся ее каркающий голос из комнаты, – Это ты, моя хорошая?!

Я отнесла одну сумку с продуктами на кухню и пошла к старушке.

- Баб Рай, вы зачем встали?! Вам что доктор сказал: ногу в

покое держать, – заругалась я, увидев, что пожилая женщина ковыляет по комнате с костылем.

- Не могу я без дела сидеть. Хотя приберусь немного, – тихо оправдывается она, – Что ж все на тебя свалила. А ты, глянь, какая маленькая, да худенькая.

Вот что ей в ответ сказать? Это ж не мой дед, на которого я и прикрикнуть могу. Да что толку – он все равно чуть я отвернусь, свое делает. Правду говорят, что старики, как дети малые.

- Лекарства пили? – стараюсь быть построже.

- Пила-пила. Все как ты наказала, – кивает она и тут же бурчит по-стариковски, – Деньжищи такие на ветер.

Но я все равно проверила, а то с нее станется...

На кухне быстро приготовила нехитрый ужин. Обычную картошку пюре и сосиски. А баб Рая и тому радуется. Нога болит, вижу, как морщится, но молчит партизанка. Не хочет, чтобы я лишние деньги на обезболивающее тратила.

Быстро расталкиваю оставшиеся продукты в холодильник, мою посуду и говорю:

- Давайте ключи от офиса. Сейчас немного отдохну и побегу.

Баб Рая протягивает мне увесистую связку с бирками и качает головой.

- Что бы я без тебя делала, Риточка, – на этих словах ее всегда пробивает на слезу, – Тебе бы с мальчиками встречаться, гулять, а ты молодость свою на нас стариков тратишь.

Я как всегда оставляю свое мнение при себе, забираю ключи и бегу домой, где меня ждут дед и котята. Последние уже, оказывается кормленные.

- Глянь-ка сколько поели! – с гордостью трясет перед мной носом почти пустую пачку молока дед.

- Вот и молодцы, – похвалила я, раздеваясь и пристраивая рюкзак с курткой на вешалку, – Ты обедал?

Дед кивает.

- Суп молочный доел.

- И все что ли?

- Много ли мне надо? – фыркает дед, – Ты к Райке заходила? Как она там?

- Лучше, – сдержанно отвечаю я и несу сумку на кухню, – Ходить пытается.

- Вот, неугомонная баба! – злится дед, и я мысленно закатываю глаза.

Иногда мне кажется, что он меня к ней ревнует.

Быстро пожарила картошки, накормила деда и пошла в ванную снимать стресс.

Не так давно мы разорились и сделали ремонт в ванной. Не дорогой, конечно, но в прежней обшарпанной уже было невозможно мыться.

Пустила воду, предварительно добавив пену для ванны и, не дожидаясь пока она наполнится, забралась в душистую воду, блаженно прикрывая глаза.

- Ты воду не лей! Знаешь, какая нам платежка в этом ме-

сяще придет?! – прокричал дед в коридоре.

Умеет он весь кайф обломать.

Знала я и про платежи, и про его дорогие лекарства, и про свои вечно промокающие сапоги, и даже про учебу, на которую надо в этом месяце наскрести кругленькую сумму.

Именно поэтому еще немного понежилась в ванной и, с трудом заставив себя вылезти, стала собираться на работу к баб Рае.

Соседка, как и многие пенсионеры с трудом выживала на те жалкие копейки, которые наше государство именует пенсией. Может у кого-то она и высокая, не спорю, но у нее всего десять тысяч, половину из которых коммуналка. Поэтому вместо заслуженного отдыха баб Рая на старости лет пошла мыть полы в офисном здании, которое не так давно отгрохали в квартале от нашего дома.

На время болезни соседка попросила меня подменить ее.

- Тебе денежки на наряды нужны, – сказала она, – А мне главное, чтоб замену не подыскали.

Поэтому вот уже две недели я каждый будний вечер, после закрытия делового центра убираю там двенадцатый этаж.

Работа хоть и не сложная, но жутко устаю после акробатических этюдов тряпкой, с ужасом думая – как баб Рая справляется?

Вот что значит стальной характер.

Пока дед смотрел новости, попила чай с бутербродом и, напоследок потискав маленькие меховые комочки, побежала

работать.

ГЛАВА 4 Лекс

Бывает ли добрым хмурое зимнее утро?

Еще как бывает!

Особенно если на работе отсутствует начальник, а у вас годовщина совместной жизни с самым любимым мужчиной на свете.

Так думала Катенька, прижав своего благоверного к спинке дивана и с наслаждением смакуя сладкие поцелуи.

Предпраздничные будни, начальника нет, и все сотрудники растеклись по своим делам. Девушка предусмотрительно закрыла приемную на ключ и поудобнее устроилась на коленях своего любимого программиста, в уме прикидывая, что зная Аську, Громов появится на работе ближе к обеду. Злой как черт, но Катьке уже тогда будет параллельно, ибо нет спокойнее женщины, что получила порцию страстной любви от своего мужчины.

- Андрюшенька...ах-х-х, – вырвался вздох у красивой блондинки, которую с упоением целовал молодой взлохмаченный мужчина.

Тут, по закону подлости, раздается скрежет замка, а после дверь с рывком распахивается и на всю приемную раздается надсадное шипение:

- Да, вы совсем охренели! Вам что дома места мало?!

Катка с писком соскакивает с коленей мужа и плюхается

попой на кожаный диван. Благо одежда на месте, а то ситуация могла и вовсе быть пошлой.

Она беспомощно хлопает глазами, не зная, что ответить своему начальству, которое, к слову, выглядит каким-то непривычным. Не злым, не добрым, а каким-то... озабоченным что ли.

- Дома у нас дети, – без тени смущения поясняет Андрей, собственническим жестом поправляя жене растрепанные волосы, – А тут острота ощущений. И вообще у нас сегодня годовщина. Мог бы сделать нам подарок и задержать-ся на пару часов.

- Да, пожалуйста! – бухтит на друга Лекс, – Я сейчас вам на пару штраф нарисую за...за...придумаю за что и отправлю на склад инвентаризировать. Романтично?

- А то! – ухмыляется программист и с нежностью смотрит на Катю, – Ты просто никогда не влюблялся.

Лекс рваным жестом срывает с себя пальто, почти зашвыривает в шкаф и останавливается напротив кофемашины. Пара секунд смотрит на нее, словно впервые видит это чудо техники и выдает:

- И как этой штуковиной пользоваться?

Тычет пальцем на кнопки наугад, чем вызывает у своей помощницы нервный смешок.

- Идите вы Александр Петрович в свой кабинет, – делая ударение на отчестве, говорит Катя и грациозно идет к маленькому бару, ловя восхищенный взгляд мужа на своей пя-

той точке, – Я сейчас все организую.

- Что это ты такая добрая? – подозрительно прищуривается Громов, - Помнится, на днях отказалась делать кофе, обозвав меня кофейным извергом.

- Потому, что мой любимый босс только что отпустил меня пораньше домой, – мило оскалилась эта негодяйка.

Громов сурово нахмурил свои брови. Катя была нужна в офисе, но хороший кофе был гораздо нужнее и, решив, что пару сканов он и сам в состоянии отправить, повелительно кивнул.

- Андрюх, будь другом не лыбься так – на придурка смахиваешь.

- Лучше быть счастливым придурком, чем хмурым придурком, – философски изрек программист, – Поверь, ты слишком много теряешь в этой жизни.

Лекс не ответил. Мысленно закатил глаза и хлопнул дверью кабинета, наконец, ощутив себя комфортно в своем любимом логове.

Обижался ли он на Андрюху?

Нисколечко.

Они давно дружат. С самого института и, пожалуй, наглый программист единственный из его фирмы, кто может позволить себе так по-хамски разговаривать с Громовым.

Вот и Катя у муженька научилась. Скоро эта сладкая парочка камня на камне не оставит от его брутального имиджа. Знал же что «своих» нельзя брать на работу.

Катерина без стука вошла в его кабинет и, звонко процокав каблучками по паркету, поставила перед шефом чашечку ароматного напитка.

Ее взгляд остановился на задумчивом лице Громова, который вопреки обыкновению не кинулся сразу утолять жажду кофемана, а нервно вертел в руках какую-то тряпку.

- С тобой все в порядке? – участливо спросила девушка.

- А что со мной может быть не в порядке?! – громыхнул Лекс и с раздражением отбросил тряпку на нижнюю тумбу огромного письменного стола.

Глаза Кати удивленно округлились – в неказистой тряпке она опознала вязаную шапку с бумбоном...женскую...

И самым удивительным было то, что это шапка эта была не из разряда дизайнерских, коими увешивала себя невеста Лекса, а самая обычная дешевая, потрепанная и явно не один раз стиранная.

- Ты сегодня странный какой-то, – сказала она и поцокала обратно, собираясь продолжить сегодняшний день в компании мужа, – Может пироженку принести для поднятия настроения?

Лекс покачал головой, проглотив замечание о том, что он думает о Каткиных пирожных, и привычным жестом включил свой рабочий ноут.

- Рябова мне позови и можешь быть свободна.

Помощница кинула на босса еще один встревоженный взгляд и пошла звонить начальнику службы безопасности.

Катя с мужем уже ушли, когда в кабинет к Лексу с громоподобным «Разрешите?» ворвался запыхавшийся плотный мужик с лысой головой.

Станислав Васильевич был ментом, что называется от Бога. Он в свое время возглавлял один из самых значимых подразделений Отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Потом вышел на пенсию, да так и остался бы при своем месте, если не подсидели его вышестоящие чиновники. Ушел он оттуда со скандалом, но не со статьей. За что большое спасибо Громову, который помог честному бэпнику от своих же откупиться. Дельце прикрыли, а Славка стал работать на молодого перспективного бизнесмена Громова.

- Проходи, садись, Василич, – кивнул на кресло Лекс, не отрывая глаз от экрана монитора и быстро-быстро щелкая мышкой.

СБэшник грузно опустился в кресло и выдохнул, сбрасывая напряжение.

По лестнице поднимался.

Сахарный диабет, будь он не ладен!

Его Ленка теперь каждый день кровь на сахар меряет и вместо аппетитной курочки кладет ему в контейнер на обед траву какую-то. Худей, говорит, а то в больницу отправлю. Это Ленка могла. И Василич, как истинный подкаблучник, терпел, жевал траву и ходил по лестнице. Лишь бы не в больницу...

- Дело есть, Станислав Васильевич, – Громов снял с носа

очки в хромированной оправе и устало потер переносицу, – Личного характера.

Василич удивленно вскинул брови – это прямо что-то новенькое.

И чем дальше, тем интереснее.

Начальник повернул СБэшнику свой ноут и включил видеозапись с видеорегистратора своего «Мерседеса».

Сначала ничего особенного Василич не заметил. Ранее утро, заснеженная дорога, редкие встречные машины и вдруг, откуда не возьмись, на проезжую часть, прямо в объектив камеры несется девушка с рюкзаком прямехонько под колеса машины.

Камера лишь улавливает смазанное движение пешехода. Из-за качества видео особо и не разглядишь ее лица, но и так понятно, что она в ужасе. Картинка резко меняется, видимо Громов в последний момент выкрутил руль.

Дерево.

Снег.

Конец фильма.

Василич поцокал языком и, почесав лысину, задал самый главный вопрос:

- «Мерина» сильно покоцали?

Лекс вернул ноут в исходное положение и, оттолкнувшись от стола, поднялся со своего директорского кресла.

- Передок в хлам. Проще новую купить.

- Жалко. Такая машина хорошая была, – покачал головой

мужчина, не совсем понимая, что от него требуется.

Громов протоптался по кабинету, подхватил чашку остывшего кофе и, наконец, озвучил задание:

- Сможешь, ее найти?

- Кого? – не врубился Василич.

- Девушку на видео. Мне нужна информация о ней. Вся, какую возможно нарыть.

Рябов изумленно вытаращился на босса? Дорогой начальник вы шпионских фильмов насмотрелись! Где ж он девку эту искать будет? Ориентировку рассылать по видео?

Пока мужчина мысленно возмущался, Лекс подхватил со стола ручку, бумагу и начеркал адрес.

- Вот. Это адрес мойки, где она работает. Разузнай, расспроси и...поделикатнее пожалуйста. Это тебе не рабочих на стройку проверять. Не навязчиво. Понял?

Василич взял в руки листок бумаги с адресом и с интересом посмотрел на начальника.

Интересно, а зачем ему это дамочка?

Понравилась?

Да ну, нафиг!

У Громова такая невеста, что других и не надо. И дело не в ее красоте, дело в ее сногшибательном характере. Так мозг вынесет, что потом перестанешь выносить весь женский род вместе взятый.

К тому же из шефа романтик, как из него спортсмен.

Скорее всего, хочет счет на нее повесить за «Мерина».

Неприятное задание, а куда деваться-то?

Василич ушел, оставив Громова в компании компьютера и собственных мыслей, которые были не слишком приятны.

Лекс из тех людей, которые любят все планировать и четко следовать этому плану. Всегда.

Кто-то назвал бы его пафосно – перфекционист, но сам он просто считал себя человеком, который четко знает, чего хочет от жизни.

И конкретно сегодняшним утром он хотел, наконец, вручить Асе это чертово кольцо, которое казалось, прожгло обивку салона на заднем сиденье внедорожника. Хотя по факту оно просто раздражало его, как символ незавершенного дела.

Потом неплохо было бы помириться на широкой постели в комнате невесты и, с чувством исполненного долга, уехать на работу.

Вот такой нехитрый план...был...

Пока дорогу, словно черная кошка, не перебежала эта невозможная рыжая девица.

Громов скосил глаза от экрана монитора на небрежно брошенную шапку и чуть не фыркнул.

Это ж надо быть такой неорганизованной!

Ну, кто перебегает дорогу, предварительно не посмотрев по сторонам?

За те секунды, что девушка находилась на прямой траектории его «Мерседеса» Лекс чуть не схлопотал сердечный

приступ. Наверняка, сегодня ночью его будут преследовать ее расширенные от ужаса глаза и бледное худое лицо.

А то, как она ловко сбежала?

Это вообще отелльная тема для злости.

Напакостила и в кусты! Только и сверкали ее непозволительно яркие для черно-белой зимы волосы.

Жаль ли Лексу было свой раскуроченный внедорожник?

Еще как жаль. За него немалые деньги уплачены, которые на мужчину не свались с неба, а достались тяжелым трудом. Неправильно мнение людей, что богачи просто так расшвыривают свои капиталы налево и направо. Легко с деньгами расстаётся только тот, кому они так же легко достались. Поэтому Лекса вполне можно было считать скупердяем, но спускать на тормозах порчу его имущества он не собирался.

Посему первым делом нужно было разузнать побольше об этой девушке.

Загонять в долговую кабалу он ее не собирался, но научить более ответственно относиться к проблемам, которые создала ее легкомысленность, нужно было.

Как хорошо, что у него в штате на такой случай есть свой следак.

Вообще Василич в его компании почти бесполезная штатная единица. Не такая уж у Громова большая фирма, чтобы держать собственного СБэшника. Вполне можно было бы обойтись договором с каким-то недорогим охранным агентством, но за Рябова в свое время просил будущий тесть и

Лекс ни разу не пожалел. Ведь всегда можно в самый подходящий момент напомнить ему об этом.

Лекс потянулся в кресле, выпрямляя затекшую спину, и посмотрел на часы – время неумолимо приближалось к вечеру.

Казалось, только сел работать, а полдня пролетело со скоростью света.

Мужчина поднялся и подошел к окну, меланхолично изучая спешащих домой сотрудников. Нужно сделать небольшой перекур и снова за работу.

Он достал из ящика стола запасную пачку сигарет и, приоткрыв окно, с наслаждением затянулся. Ася постоянно высверливает ему мозг за эту вредную привычку.

- Лексик, – нудит она, – Курить сейчас не модно.

Страшно спросить, что сейчас модно. Накачанные губы?

Он пытался завязать с сигаретами. Честно.

Но как-то не сложилось.

Все равно Аська найдет другой способ потрепать ему нервы, а они восстанавливаются только после выкуривания пары сигарет. Замкнутый круг получается.

Спиртное Громов употреблял крайне редко. Можно считать это подсознательным страхом за свои плохие гены. Пьяным его даже в компании друзей никто и никогда не видел.

Лекс если и выпивал с нужными людьми, то всегда в меру, чтобы чувствовать себя хозяином ситуации контролировать каждое свое слово.

Затушив сигарету в стеклянной пепельнице, мужчина еще некоторое время усердно стучал пальцами по клавиатуре, делая важные расчеты по новому объекту, а после решил пойти в приемную.

Нужно было сегодня отправить предварительные расчеты субподрядчику на электромонтажные работы, чтобы завтра утром они уже смогли дать ответ. Положительный, как надеялся Громов.

Добравшись до приемной, мужчина запустил автоматический сканер на компьютере своей помощницы и замер, услышав сквозь шуршание техники звонкий девичий голосок, что напевал какую-то веселую мелодию.

Звук шел из коридора.

Мгновенно войдя в образ сурового руководителя, Громов поспешил к двери, чтобы прикрикнуть на зарвавшуюся сотрудницу. Пусть время не рабочее, но офис это не место для подобных концертов!

Рывком, распахнув дверь, мужчина выглянул в коридор и слова замерли на языке, при взгляде на симпатичную женскую попку в обтягивающих черных лосинах. Таковую прям аккуратненькую, кругленькую. Не сказать, что Громов сильно падок на женские прелести, но тут прям торкнуло нехоти.

- На большом воздушном шаре..., – напевала девушка, склонившись над ведром с водой.

Ее руки в перчатках старательно отжимали половую тряпку.

ку, а голова с рыжим хвостиком, кивала в такт музыке, которая транслировалась прямо из наушников.

Девушка выпрямилась, прикрывая длинным растянутым свитером то, чем так неожиданно любовался мужчина и, легко пританцовывая, стала выводить мокрой шваброй творческие узоры на полу.

- ...мы с тобой проводим это лето...

Девушка чуть полуобернулась, и сердце Громова пустило удар – так это же и есть та самая рыжая засранка!

- Ты! – у Громова помимо воли вырвался самый настоящий рык.

Рыжая нахалка испуганным зайчиком подпрыгнула и выронила из рук швабру. Голова ее резко дернулась, и из уха вывалился динамик наушника. Огромные, широко распахнутые карие глаза в упор уставились на него, грозясь от страха залить слезами нежную кожу милого личика.

У Лекса вопреки здоровой логике возникла ассоциация с испуганным олененком.

Глупость какая-то!

- Ты что здесь делаешь? – дольно грубо поинтересовался Лекс у девушки, что, казалось, стояла ни жива, ни мертва, только оленьи глазки испуганно бегали по коридору.

- А я тут..., – проблеяла она тоненьким голоском, и Лексу стало даже как-то совестно – напугал ребенка до полусмерти.

Мужчина хотел предложить ей пройти в кабинет и нормально поговорить, но не успел – в кармане брюк внезапно

зазвонил телефон и, судя по мелодии звонка, это был Анатолий Львович собственной персоной.

Едва Лекс поднес к уху смартфон с сухим «слушаю», как рыжий олененок шмыг и в обратную сторону коридора.

Сбежать опять собралась, зараза рыжая!

Ну, уж нет!

Мужчина среагировал молниеносно – всем корпусом вперед, на два широких мужских шага, споткнулся о швабру и прямехонько в ведро с грязной водой, что эта пигалица оставила, (наверняка специально!) у него под ногами.

Ведро с глухим стуком полетело в сторону, вода на Лексовы любимые брюки, а девушка умчала в неизвестном направлении.

- Твою мать! – в сердцах выругался горемычный и со злостью сбросил звонок будущего тестя, – Это не девка, а какой-то ходячий кошмар!

Конечно, можно ее догнать, но было у Лекса какое-то смутное чувство, что едва он попытается, как случится что-то непредвиденное и испорченного имущества заметно прибавится.

К тому же нет никакой гарантии, что поймав, Лекс ее не придушит, за вот такие каверзы.

Несколько секунд помедитировав на свои промокшие в мыльно-грязном растворе замшевые туфли, мужчина перевел взгляд на многострадальную швабру и ухмыльнулся.

Снова Василичу подвалила халява! Ему теперь даже и на-

прягаться не надо, чтобы все разузнать о рыжей пигалице. Нужно просто подняться до администрации собственника бизнес-центра, и запросить ее личное дело.

Довольный этой мыслью, Лекс достал снова затрезвонивший телефон и пошел обратно к себе в кабинет. Разговор с Асей требовал более вдумчивой обстановки.

ГЛАВА 5 Ритка

Домой я влетела с такой скоростью, словно за мной сам черт гнался. Хотя это было не так уж и далеко от истины.

С грохотом бросила свой рюкзак на пол и шумно выдохнула, привалившись к двери и на мгновение облегченно закрывая глаза.

- Ты чего такая взъерошенная? – в коридоре появился дед с белым котейкой на руках, – Случилось чего?

Я покачала головой и стала раздеваться. Не хватало, чтобы дед еще узнал о моих сегодняшних приключениях, а то опять за ружье хватится. У него все богатеи это враги народа, которых нужно отстреливать.

- Устала жуть, – выдохнула, пристраивая свои промокшие сапоги на батарее – к утру высохнут.

- Пойдем-ка на кухню. Я минтая пожарил.

Повела носом. И правда – рыбкой пахнет. Моей любимой.

Кашевар из деда был аховый, но рыба ему, как ни странно, всегда удавалась.

Быстро переоделась, помыла руки и уселась за стол, молниеносно набрасываясь на еду.

- М-м-м, куснятина! – похвалила я старика.

А тот и этому рад. Глаза повеселели, помолодели. Рука его потянулась к шкафчику и выудила графинчик с водочкой.

- Ну, коли ты одобрила мою стряпню, то можно и по пять-

десять.

- Дед! – гаркнула я, глядя, как он уже и рюмки на столе поставил, – У тебя давление!

- А у тебя характер вредный, – не остался в долгу он и налил нам по полрюмки, – Ты на себя давно в зеркало глядела? Совсем себя замордовала!

- Я деньги зарабатываю! – обиделась я.

- Зарабатывает она. Здоровье не купишь! Кто ж тебя замуж возьмет такую дохлую.

Чуть не задохнулась от возмущения. И как это у него получается? Ловко перевести тему с его давления, на мое возможное замужество.

- А я, может, замуж не собираюсь, – с вызовом ответила, не забывая активно работать челюстями.

- Это ты так сейчас говоришь. А потом чуть подрастешь, влюбишься и... оставишь старика одного...

Дед как-то сразу сгорбился, состарился и, мне даже показалось, что еще немного и по морщинистой щеке побежит слеза.

- Де, ну ты чего? – подскочила я и кинулась его обнимать, – Куда я от тебя денусь? Я даже, если влюблюсь, никогда-никогда тебя не оставлю.

Пожилой мужчина судорожно выдохнул, похлопал меня по руке и бодренько так заявил:

- Раз так, то за это надо выпить!

И с этими словами всучил мне стопку, чокнулся, с моей,

застывшей от такой наглости, статуей и удовлетворенно выдохнув с энтузиазмом принялся за еду.

- Ты пей-пей. Пушай кровь немного погоняет. Хотя выпийсья нормально.

Покосилась на стопку в своей руке. А почему собственно нет?

Залпом опрокинула в себя содержимое стопки, алкоголь неприятно обжег внутренности, и буквально через пару минут почувствовала, как напряжение этого бесконечного дня отпускает.

Наевшись, как говорится «до отвала», поняла, что глаза буквально слипаются от усталости.

- Иди, спи, – сказал дед, – Я сам все приберу.

Благодарно поугукала и поплелась в кровать, залезла под свое любимое старое, но теплое одеяло и уже почти провалилась в сон, как телефон пиликнул, оповещая о входящем сообщении.

Рука на автомате потянулась к смартфону.

«Завтра в девять. И отмазы не принимаются» – гласило сообщение от Шнурка.

Сон как рукой сняло. Немного поворочалась и пошла в зал к деду, который как всегда полуночничал и смотрел какую-то муть про пришельцев.

- Чего ты маешься? – недовольно пробурчал он, когда я попросила переключить на что-то другое.

Подумала и решила поделиться:

- Меня Мишка в клуб зовет завтра.

Дед сразу насторожился и вскинул свои седые косматые брови.

- Туда вся наша группа пойдет сессию отмечать, а я не знаю, идти мне или нет... вот...

- Нечего тут думать. Иди. Молодость быстро пролетает, а ты ее так всю дома просидишь.

- Не знаю, – нахмурилась я и принялась щелкать каналами, – Мне и одеть-то нечего.

- Как нечего? – искренне изумился дед, - А мы с бабушкой тебе платье дарили? Куда оно подевалось?

- На месте оно, – из моей груди вырвался тяжкий вздох, – Когда вы его покупали, я девятый класс закончила.

- И что? – снова не врубился он – Ты вроде не подросла.

- Деда!

- Что?

- Ничего, – обиженно засопела я и вернулась к своему нехитрому занятию.

Дед немного помолчал, а потом выдал:

- Сдается мне, внученька – ты все ж влюбилась.

- Я?! – возмущенно воскликнула, поворачиваясь к нему, – В кого это?

- В дрища этого своего. В кого ж еще.

И правда. Со мной же больше никто не дружит особо и внимания не обращает. Кроме придурка Алёхина.

Дедушка был во многом прав. Мне и правда Шнурок нра-

вился не просто, как друг, но проблема в том, что парень не видел во мне девушку. Я же завидовала этим разукрашенным куклам, которые постоянно вились вокруг него, и ждала, когда же он обратит свое внимание на меня. В последнее время все чаще казалось, что никогда.

Пока я размышляла о своих неразделенных чувствах, дед поднялся со своего кресла и прошаркав до серванта, порылся, выуживая несколько тысячных купюр.

- Держи, – он протянул мне свою заначку и добавил, – Купи себе наряд. Только чтоб безо всяких вырезов до пупа! Проверю!

Я со счастливым визгом повисла на шее у деда и, поцеловав морщинистую щеку, сказала:

- Я люблю тебя, де. Ты самый лучший!

Пожилой мужчина, разомлев от моих телячьих нежностей, легонько оттолкнул меня и беззлобно проворчал:

- Ну, все-все! Хватит уже ластиться, лисица. Иди, спи уже. У меня сейчас хоккей начнется.

Ослушаться я не смела. Пожелала деду удачной хоккейной ночи и бодренько потопала в сторону спальни.

Там забралась под свое любимое одеяло, обняла продавленную подушку руками, устраиваясь поудобнее и, едва прикрыв глаза, моментально уснула.

Утро субботы обычно самый лучший день в неделе, когда

ты еще знаешь, что впереди у тебя два выходных дня и не нужно куда-то спешить. Можно всласть поспать подольше, потом поваляться в постельке и, быть может, снова поспать.

Это рецепт моей идеальной субботы и она такой непременно бы была, если какой-то гад в восемь часов утра не оборвал мне сотовый телефон.

Сначала я честно пыталась не обращать внимания на вибрирование смартфона на тумбочке, потом разозлилась и запихнула его под подушку, но, как оказалось, сделала только хуже – теперь у меня вибрировала вся голова, и сонное настроение улетучилось, уступая место раздражению.

Кто ты смертник, что решил потревожить мое личное субботнее счастье?

Достала телефон и, глянув на экран, похолодела.

Это был не смертник, это была моя возможная расплата в лице Гарика.

Проскользнула подленькая мыслишка сделать вид, что я не слышу звонок, но совесть очень не вовремя напомнила о своем существовании. В конце концов, Гарик не виноват, что этот Александр Петрович такой козел. У него наверняка из-за моей выходки могут быть проблемы, а армянин все же неплохой мужик...

- Да, – чуть дрожащим от волнения голосом ответила я.

- Ритусик, золотое мое ненаглядное! Где ты есть?! Мы тут совсем зашились без тебя, моя прелесть.

Иногда мне кажется, что Гарику нужно было на телеви-

дение идти работать, потому что его подхалимскому ораторству позавидует любой шоумен. Не то чтобы я велась на эту фишку, но все же.

- А вы разве меня не уволили, Гарик Артурович?

- Я?! Тебя?! – очень натурально оскорбился начальник, – Да ни за что! Ритусик, зайка, как ты могла так обо мне плохо подумать? Как тебе такое вообще в голову пришло?

- А разве ваш клиент..., - начала было я, но Гарик меня перебил:

- В восторге твой клиент. Просто в восторге. Щедрые чаевые оставил. Приходи скорее на работу. Марина без тебя совсем зашилась.

- А как же...пропажа?

- Да нашел он свою коробку. Извинился и чаевые тебе отстегнул.

Я так и зависла, глядя в одну точку перед собой и прокручивая раз за разом в голове слова Гарика.

Чаевые даже оставил.

А я с ним так некрасиво проступила...

- Хорошо. Я сейчас буду, – сказала начальнику и положила трубку.

В груди поселилось какое-то нехорошее чувство, словно я сделала что-то неправильное, и не проходило оно целый день, а уж когда Гарик мне всучил те самые чаевые, и вовсе стало гадко на душе.

Работала на автомате, а в голове так и прокручивала нашу

последнюю встречу с Александром Петровичем.

И чего спрашивается, убежала?

Он даже и претензий предъявить не успел, а я как бешеная макака ускакала. Еще и не убрала до конца, ведро опять же бросила...

И с машиной его так нехорошо получилось, не справедливо. Бабушка бы точно не одобрила подобное поведение.

Я уже взрослая и обязана отвечать за свои поступки.

Пока я прикидывала, под каким соусом лучше себя подать грозному Александру Петровичу на растерзание в поднятые ворота бокса заехал красный седан дражайшей супруги Гарика.

Дверь плавно открылась, и оттуда грациозно выкарабкалась высокая блондинка в короткой норковой шубе, из распахнутых пол которой виднелось платье под цвет авто.

Карина сегодня была при параде.

Блондинка звонко цокая каблуками продефилировала в мою сторону и высокомерно приказала:

- Помой и отполируй. Только не трогай на заднем сиденье пакеты, а то помнешь, – и поплыла себе дальше, словно так и надо.

Вообще я человек довольно терпимый и считаю, что если кому-то суждено родиться свиньей, то жар-птицей ему никогда не стать, но в случае с женой шефа мне порой хотелось банально психануть и напакостить этой крашеной выдре, которая по каким-то, одной ведомой ей причинам, считает се-

бя пупом земли.

- Девушка! Девушка! У меня запись, – раздался недовольный голос клиента, который и правда записывался на это время.

- Извините, придется немного подождать, – как можно вежливее ответила я.

Конечно, клиент был возмущен и уехал, не став ждать, но пообещав написать на нашем сайте негативный отзыв, за который конечно получу втык как всегда я.

Ни за что. Опять.

Покосилась на Каринкину машину.

Вот что тебе стерве не сиделось в своем салоне красоты? А?

Королевишна, блин. Приехала, всех клиентов распугала. Такими темпами Гарик по миру пойдет, и некому будет платить за красоту ее ненаглядную. К слову Карина была девкой страшненькой. Не смотря на модельный рост и стройную фигуру, девушка имела совершенно невыразительное лицо, на котором постоянно красовался веселенький грим. Он ее сильно старил и придавал ее вытянутой физиономии вид восковой маски.

Б-р-р-р.

И как ее только Гарик терпит. Нет, не терпит – любит и пылинки сдувает.

Я как раз натирала полиролью торпедку, когда появилась Карина и зло прищурившись, спросила:

- Вы еще не все? Гарик, почему они у тебя работают как сонные черепахи?

Шеф ничего не ответил, а мы, переглянувшись с Мариной, что в этот момент натирала капот и, вероятно, подумали об одном и том же: нужно непременно отомстить выдре, ибо нет на свете лучше счастья, чем восстановленная справедливость.

Я в раскоряку выползла из тесного салона спортивной тачки и взялась за кёрхер – типа переставить на другое место.

И тут упс! Небольшая струя воды под напором бьет прямо под ноги Карине, которая с визгом отскакивает.

- Ой, простите! – делаю самые четные глаза, – Я не хотела.

- Дура! Ты мне все сапоги промочила, – глядя на свою испорченную замшевую обувь рыкнула блондинка, – Теперь сушить придется.

Выдра, яростно хлопнув пластиковой дверью, вылетела из бокса. Гарик потрусил следом.

А мы с Маринкой предвкушающе улыгнулись, в синхронном жесте потирая ручки.

- Ну, и? – поиграла бровями я, многозначительно глядя на напарницу.

Марина выпрямилась и, соорудив чинную моську, любезно поинтересовалась:

- А не соизволите ли вы Маргарита отобедать со мной сеledочкой под шубкой?

- С превеликим удовольствием! – в тон ей ответила я и

ногой отодвинула мешающийся кёрхер.

Пока Гарик и Кариной занимались жизненно важным делом – сушили сапоги перед обогревателем, мы с Маришкой не отставали и плотно так пообедали наивкуснейшим салатиком.

Наелись, а потом подумали, что как-то некрасиво с нашей стороны будет не угостить нашу достопочтенную Выдру.

Сказано – сделано!

Пока я стояла на шухере, Маришка быстро положила остатки селедки под шубой на салфетку, а ее в небольшое углубление под водительским сиденьем спорткара. Машину Выдра хранит в теплом гараже. Интересно сколько понадобится времени салату, чтобы завонять?

В коридоре слышались шаги Гарика и цокот каблучков.

- Пока, любимая, – радостно оскалился Гарик, видать достала его благоверная до печенок, – Постараюсь приехать пораньше.

Карина одарила его таким взглядом, что, на мой взгляд, Гарик лучше поехать переночевать у мамы, и была такова. Только взвизгнули покрышки колес по асфальту.

- И за что вы ее любите, Гарик Артурович? – меланхолично поинтересовалась я, глядя вслед красной машине.

Гарик подумал, почесал затылок и ответил:

- Любят, Ритусик, не за что-то, а вопреки! – и с этими словами наш армянский философ ушел к себе в кабинет, оставив нас с Маринкой обслуживать машину нового клиента.

Остаток рабочей смены пролетел незаметно. Усталость давала о себе знать и, осознание, что сейчас еще нужно каким-то образом успеть купить платье, причесаться и как-нибудь накраситься, совершенно не радовало.

Маринка, заметив мой кислый вид, покачала головой и решительно произнесла:

- Сегодня я буду твой крестной феей! Давай быстрее переодевайся, и помчали – тут недалеко есть отличный шмоточный магазинчик.

- Так тебя ж дети ждут.

- Ничего, – махнула рукой напарница, – Подождут. Они сегодня у свекрухи. Пускай лишний часок ей нервы потреплют, а я в кои-то веки расслаблюсь.

Вообще, Маринка очень легкая на подъем девушка. Несмотря на непростую судьбу и тяжелую работу, девушка источает неиссякаемый оптимизм и веру в светлое будущее. Широкая улыбка редко сходит с ее пухленького, очень симпатичного личика, заражая окружающих своим задором, и работа от этого спорится.

Маришкин «шмоточный бутик» был в паре остановках от моего дома.

- Так! – скомандовала подруга, едва мы зашли в магазин, – Ты дуй в примерочную, а я сейчас подберу тебе наряд.

Я послушно скрылась за шторкой и начала разведаться до белья, глядя на свое замученное отражение и не понимая, как из этого зомби можно будет сделать красивую девушку.

Но Маришка была твердо уверена в обратном, и буквально минут через десять на вешалке в примерочной появилось шесть разных платьев.

- А может не надо? – жалобно покосилась на свою фею.

Та безапелляционно покачала головой и сунула мне в руки первый наряд.

- Надо, Рита. Надо!

Первый два платья были мной забракованы из-за слишком откровенных вырезов.

- Но тебе же так хорошо вон то беленькое, - попыталась возразить подруга.

- Марина! Меня дед из дома в нем не выпустит. Еще и косы повыдергивает.

Она оценивающим взглядом прошла взглядом по моим сильно отросшим рыжим ломам и согласилась:

- Да, косы жалко. Тогда бери одевай черное.

- А не слишком мрачно? – засомневалась я, беря в руки легкое черное платье из какого-то очень приятного материала.

- Сейчас посмотрим, – подмигнула Маришка, – Я за сапогами.

Платье оказалось мне впору. И черный цвет вовсе не казался мрачным, наоборот очень выгодно оттенял мои волосы и белую от природы кожу. Даже веснушки на носу, каким-то образом вписывались с образ.

- Маленькое черное платье, – промурлыкала за моей спи-

ной, довольная, как стадо слонов Маринка, – Обувайся.

Она поставила передо мной красивые замшевые сапоги на высоком каблуке.

- Ты с ума сошла! Я на них ходить не умею, – попыталась возразить я.

- Значит...пора учиться, – улыбнулась моя персональная фея и после того, как я влезла в сапоги, выдохнула, – Вау! Подруга, где ты раньше прятала эту куколку?

Я и правда не узнавала себя в зеркале. Как, оказывается, человека меняет одежда! Короткое платье выгодно подчеркнуло мои стройные ноги – единственное, чем можно было похвастаться, скромный вырез, скрыл первый размер груди и почти создал ей округлость, а легкая ткань, придала образу некой романтичности.

Маринка чуть приподняла на затылок передние пряди волос, открывая скулы, и хихикнула:

- Ракета к полету готова!

ГЛАВА 6 Лекс

Светская жизнь – прежде всего изнуряющая скука, но с ней приходится мириться. Это часть трудового имиджа, такая же неотъемлемая, как и Ася, любующаяся бриллиантами на кольце.

Громов не из тех людей кто любит шумные вечеринки. Находиться в толпе не сильно трезвого народа, тупо дрыгающегося под пресный хит сомнительное удовольствие, но положение обязывает. Именно на таких тусах завязываются нужные знакомства с молодыми, перспективными и не очень, прожигателями солидного состояния. Сами по себе эти кривляки его мало интересуют, а вот их друзья, родители и даже дедушки очень даже. Как правило, это люди при власти, погонах, мандатах, что, так или иначе, имеют доступ к негласной дележке бюджетных средств.

Поэтому к походу по любимым значным местам Аси Лекс относится, как к работе. Не любимой, невероятно муторной, но необходимой.

- Ты выглядишь, как мой отец, – поджигает ярко накрашенный рот Ася, рассматривая его свитер, – Этот цвет просто ужасен.

Громов бросает мимолетный взгляд в зеркало. Свитер, как свитер. Черный, не стесняющий движения. Отличный вариант с простыми джинсами. Не так часто мужчина поз-

воляет себе отдохнуть от привычного строгого костюма.

- Где ты вообще откопал эти ужасные вещи? – продолжает надрываться невеста, – Я же тебе дарила отличный комплект на день рождения.

- Я не ношу одежду для голубых.

- Лексик! Но это же модно!

Громов закатывает глаза и решительно берется за норковую шубу невесты.

- Мы опаздываем.

Аська фырчит не хуже рассерженной кошки и что-то еще ноет, но Лекс ее не слушает. Его голова забита бесконечными сметами, прайсами и встречами, назначенными на понедельник.

- Это что? – как вкопанная замирает Ася, круглыми глазами рассматривая, ожидавшее их авто с шашечками.

- Такси, – терпеливо вздыхает мужчина и распахивает перед ней заднюю дверь, – Мой «Мерседес» в ремонте.

- Я тебе говорила, что надо купить вторую машину, – продолжает шипеть она, – Теперь будем позориться.

Снова фильтруя ересь, что постоянно лезет из красивого рта невесты мимо ушей, Лекс думает о том, что новое авто все же придется купить. Мерседес он все же решил восстановить. Благо тот застрахован и размер страховки должен покрыть ремонт. Повезло рыжему олененку...

Пока Ася, возбужденно вцепившись ему в руку своими драконьими ногтями, что-то рассказывала, мужчина прокру-

чивал утренний разговор с Рябовым.

- Не работает тут такая девушка, – отпрапортовал Василич по телефону, – Наш этаж уже несколько лет убирает баб Рая. Бодрая такая старушка. Пирожками меня угощала. Вкусные, с мясом...

Кто о чем, о Василич о жратве только и думает.

- Откуда тогда взялась эта девица у нас в офисе, если она тут не работает?

- Шеф, а может... того... вам показалось? А?

- И ведро мне тоже привиделось, по-твоему? – разозлился Громов, – Давай мне домашний адрес бабульки этой, а сам подними, наконец, свой зад от кресла и смотайся на автомойку. Тебе полезно кровь разогнать и подвигаться.

Лекс и сам не знал, почему ему так в подкорку вьелся этот рыжеволосый образ чудаковатой девчонки. Есть в ней какая-то яркая, притягательная харизма. Не идеальная, холеная красота, не совершенство и плавность линий, а манящая внутренняя сила и, конечно же, загадка. Ее-то Громову, после их фееричной встречи в офисе, очень хотелось разгадать.

Был в его желании с ней познакомиться чисто мужской интерес? Определенно. Хотя он и убеждал себя в обратном.

Рядом с Громовым сидит самая желанная девушка в городе. Зачем ему другие?

Но думает он об одной вредной рыжей девчонке.

Интересно, она натуральная рыжуля или красится?

Бредовая мысль для почти женатого, уравновешенного, определившегося в жизни мужчины средних лет.

Но не думать не получалось. Как ни гнал он от себя образ карих оленьих глазок, они вновь возвращались.

Херня какая-то...

В клубе неестественной вибрацией грохочет музыка. Сегодня в злачном местечке под пафосным название «Рай» аншлаг. Забиты все места. На танцполе яблоку негде упасть, а VIP-кабины заняты шумными и не сильно трезвыми компаниями молодых девушек и парней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.